

СЕРГЕЙ МИНУТИН

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ НА
СВЯТОЙ РУСИ. ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Сергей Анатольевич Минутин

Интеллигенты на Святой Руси. Часть первая

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39152628

Интеллигенты на Святой Руси. – Минутин С.А.: Стимул-СТ; Нижний Новгород; 2018

Аннотация

Тонкие животрепещущие вопросы постоянно мучающие российскую интеллигенцию поднимаются в этой книге. Душа новорождённого интеллигента непременно обретает фамилию, имя и отчество. Но проходят годы, и от ФИО остаётся либо имя, либо отчество, либо псевдоним, либо ничего. Труден путь интеллигента на Святой Руси. Как бы то ни было, перед нами – социальная фантастика.

В русской литературной традиции этот жанр глубоко укоренён и призван продемонстрировать социально-философские воззрения автора либо от ничего к ФИО, либо в обратную сторону.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Минутин

Интеллигенты на Святой Руси

Роман

Часть I

Интеллигент – это человек «особой складки»: терпимый, лёгкий в интеллектуальной сфере общения, не подверженный предрассудкам – в том числе шовинистического характера.

Многие думают, что раз приобретённая интеллигентность затем остаётся на всю жизнь. Заблуждение! Огонёк интеллигентности надо поддерживать. Читать, и читать с выбором: чтение – главный, хотя и не единственный, воспитатель интеллигентности в главное её «топливо». «Не угашайте духа!».

Способность приобретать знания и самый интерес к знаниям растут в каждом отдельном человеке в геометрической прогрессии. К сожалению, в обществе в целом общая образованность падает, и место интеллигентности заступает полуинтеллигентность...

Первобытных людей безосновательно считают

грубыми, жестокими, грязными. Если потому только, что они были ближе, чем мы, к животному миру, то ведь животные чистоплотны, обладают исключительным пониманием друг друга, приверженностью к своим обычновениям, и т. д.

Я думаю, что у первобытных людей был великий фольклор, прекрасная травная медицина, умение делать хирургические операции, богатые обычаи и свои празднества, а между собой они умели держать слово, были нежны к детям и щедры...

Дмитрий Лихачёв

Глава первая

Вячеслав Константинович Соммер был писателем. Это был факт неоспоримый, подтверждённый наличием членского билета Российского союза писателей № 4015 и членским билетом Российского Союза профессиональных литераторов № 2017-150.

Уважительно и возвышенно почитатели его таланта звали его Вячеслав или Слава. Старые приятели были не столь щепетильны в обращении к великому русскому писателю и ограничивались окликаками: Славка или Славуня. Одно несомненно: и те, и другие признавали в нём наличие таланта к сочинительству.

Вячеславу Константиновичу было абсолютно наплевать и на славу, и на своих почитателей. Он любил хорошо гульнуть, выпить и закусить. Проще говоря, он любил жизнь в самых её низменных материальных проявлениях. Но в эту жизнь каким-то странным образом вползла литература. Сначала он читал чужие книги, а затем начал писать свои.

На вопрос, зачем он это делал, ответа не было. Ему были не нужны ни деньги, ни популярность, ни вечная память в архивных папках и доносах. Что-то ему неведомое давило на него и не отпускало, постоянно нашёптывая, что любая мысль, отличная от «пожрать» и «поспать» – великая мысль. Но он то как раз и стремился больше всего пожрать и по-

спать. В этом стремлении к нормальной жизни, и невозможности её постоянно вести, была заключена драма, именуемая философами как закон единства и борьбы противоположностей.

Этот, в общем-то, пустяшный для обычного человека закон терзал его не на шутку. Он заставлял его быть наблюдательным. Он же терзал и пишущую руку, пальцы которой без ощущения силы, толкающей ручку вперёд по бумаге бесконечно зудели и чесались. Конечно, была ещё и «жопа», которая тоже требовала усидчивости.

Сначала Вячеслав Константинович смотрел на эту «литературную тягу», как на проявление новых, связанных с выходом человечества в информационное пространство пороков. Он перестал читать, смотреть телевизор и слушать радио, но «литературный зуд» всё сильнее и сильнее брал его за горло. И тогда он смирился, решив, что это что-то ему неведомое терзает его тело в целях развития души. Он даже начал думать о боге, но не слишком часто, и не особо надеясь на то, что бог его заметит. Да и смотреть богу на него особых причин не было. Он уже был не молод, писать начал поздно, а значит, родился без «божьего дара».

Литературный дар нахлобучил его тогда, когда на голове уже почти не осталось волос, а живот почти закрыл мужское достоинство. Но он ещё не был и слишком стар, чтобы господь таким образом готовил его для своего высшего суда. Поэтому, к богу Вячеслав Константинович обращался редко,

хотя и питал к нему огромное почтение, ибо точно знал, что без него нигде и ничего происходить не может. Другое дело Дух Святой. Его присутствие в своей жизни Вячеслав Константинович чувствовал постоянно, и обращался к нему часто. Дух Святой настигал его самым неожиданным образом, и заставлял трудиться. Иногда Вячеслава Константиновича посещала крамольная мысль о том, что на всём белом свете есть только он и Святой Дух, и больше никого нет, особенно из тех, кто бы мог отвлечь внимание Духа от него.

Не сразу, а постепенно, соединив своё тело с душой и Духом он вполне успокоился, решив что «попал под раздачу» где-то там в шестерёнках «небесной механики». А раз «попал», то с этим надо как-то жить. Это «попал» и «надо жить» сильно отличало его от других литераторов, ждущих свою волну вдохновения и алчущих от неё денежной отдачи.

Вячеслав Константинович больше всего ждал волну спада творческого подъёма, так как в это непродолжительное время он имел возможность чувствовать себя нормальным человеком. Он с наслаждением предавался обычным человеческим грехам: ел, пил, ходил в баню и приманивал на свои уже написанные творения хорошеньких девиц.

Впрочем, девиц он приманивал, объединившись с художником. Художник был его старым приятелем. Звали его Михаил Александрович Цветов. С такой фамилией он просто не мог быть никем иным. Художник, в отличие от писателя, был кудряв, худощав и усат. Они прекрасно дополняли

друг друга. Художник тоже стремился к нормальной человеческой жизни, но и его без красок и кистей «глючило» и «плющило».

Короче говоря, они оба писали вынужденно. Один свои рассказы и длинные повести о прелестях текущей жизни, другой об этом же картины. Их обоим вдохновение чаще мучило, чем отпускало. Они оба смирились с тем, что дают своим Музам значительно больше, чем те им в материальной жизни, и за это бывают частенько ими измучены в жизни духовной.

Литератор на эту тему часто философствовал в деревенской баньке, объясняя художнику «небесную механику».

– Видишь ли, Мишель, – говорил он, – Возьми, к примеру, батюшку или на худой конец пастора, муфтия, раввина и прочее святое лицо. Что он делает? Он постоянно ведёт праведный образ жизни.

– Да, – соглашался художник, – Я бы даже добавил безгрешный и святой образ жизни.

– Верно. И этот образ жизни даёт ему право лгать с алтаря, даже с Алтаря Отечества, вводя в заблуждение паству, которая не всегда понимает кому она обязана своими несчастьями и проблемами. И только наставления «праведника» открывает ей глаза на её истинный путь к светлому будущему.

– Пожалуй, – соглашался художник.

– Мы же с тобой из другого мира. Мы с тобой, Мишель,

выпали не из местной религиозной клетки, а свалились сюда из театра вселенной. Господь любит смотреть на игру актёров, и мы с тобой актёры. Может быть не ведущие, но играющие. Мы буйствуем и каемся, мы пьём и грешим. Мы с тобой Мишель живём, и этот театр нас не просто ведёт, он нас тащит по жизни. Вопрос только в том, куда?

Эти длинные диалоги обычно имели своих слушательниц, которые жадно внимали словам литератора, пытаясь угадать, напишет он о них свой очередной рассказ или нет. Девушки созерцали его хоть и с восторгом, но опасливо. Кто его знает, что он напишет. На художника же все женщины смотрели влюблённо. Для него они все были равны. Он не делал различий между девушками-девушечками, порядочными женщинами и падшими. Последние ему даже нравились больше. Его любимым лозунгом были слова: «Была бы женщина». И женщины его любили, что называется «зеркально». Он прекрасно писал «обнажёнку», открывая их обладательницам все плюсы и минусы женских тел. Для женщин он был даже больше, чем врач-гинеколог. Он был для них отцом. Это благодаря ему, и таким как он, гуляет по России поговорка: «Пока живы врачи – гинекологи, живопись не умрёт, как не вымрут и гинекологи, пока есть живописцы».

– Так вот, Мишель, мы не грешники, мы с тобой творцы, артисты. Мы всё время между молотом подлости и наковальной зависти. У нас только один грех – отсутствие тщеславия. Попы и прочие святые люди называют его гордыней. Этого

греха наши коллеги нам с тобой простить не могут. Мы с тобой подрываем основу их творчества, а может быть и основу всей земной государственности. Значит, мы с тобой плохие люди, но нас тащит на сцену жизни. Меня с книгами, тебя с картинами. На сцене мы каемся. На сцене мы очищаемся от грехов. Именно за это нас и любят женщины. Они читают мои рассказы, они смотрят на твои картины. Они нас за это любят.

Если бы они видели нас на сцене во время труда, они бы к нам и близко не подошли. Это для «святого» процесс работы радость, помахал туда-сюда кадиллом, ручку для лобызания протянул... А тут вены вздуты, глаза выпучены, пульс в висках стучит, то слова не успеваешь записывать, то краски подходящей не видишь. Одно мучение.

Художник внимал и согласно кивал. Иногда его взгляд устремлялся вдаль, значительно дальше своих возлюбленных натурщиц и даже дальше банного окна, куда-то за горизонт. Тогда он начинал и сам говорить странные вещи.

– Люди странные существа, погрязшие в самости и гордыне. Убогие считают, что для них уготовлен рай, надо лишь дожить в своём убожестве до Страшного суда. Алчные просто алчут рая, покупая индульгенцию у посредников, часто путая судью с адвокатом. Кого они только не «башлят», покупая свои грехи.

– Это же замечательно, – прервал речь художника литератор, – Люди в своей подлости хоть чего-то должны боять-

ся. Это хорошо, что они платят за нынешний страх, опасаясь своего завтра.

– Наверное. Но с чего люди взяли, что каждому человеку в отдельности кто-то открывает врата в рай или ад. Не думаю, что в «небесной канцелярии» нашлись бы желающие на такую собачью работу. Открывать врата праведникам – это всё равно что ежесекундно распахивать створки дверей перед английской королевой или российским президентом. А вдруг, что-то не так сделаешь? К примеру, только одну створку двери откроешь, а перед тобой, ну прямо «праведник из всех праведников». Он вознесётся в рай, нажалуется богу и уволят тебя к чёртовой матери. А если эта должность была поганой, то какой же окажется другая? Открывать врата ада? При таком количестве желающих туда попасть, та ещё работёнка. Горячий цех. Оттуда пламя как из мартеновской печи, а туда толпа истеричек, лгунов, политиков, чиновников, бизнесменов и прочего многочисленного земного отребья.

Как-то так, за своими безгрешными беседами они и коротали своё свободное от «творческих ударов» время. Они вроде бы блуждали по следствиям, но в конце этих блужданий всегда приходил тот, кто знал больше, и их мозг начинала сверлить причина блужданий, требующая выхода. И литератор начинал писать ручкой, а художник кистью, создавая нечто из ничего.

Они никогда не видели того, кто знает больше. Но он

всегда очень просто завершал их блуждания по следствиям, «вколачивая» в их мозг ясные мысли.

– Не мудрствуйте! Вы все суть-тело бога! Его материальное воплощение! Каждый человек – это его отдельная клетка, молекула, квант. Назовите себя как угодно. С ростом численности населения растёт и материальное воплощение бога, точно так же, как растёт ребёнок во взрослого человека. Ваша задача утончать себя как материальную клетку бога, наполнять себя знаниями, чтобы бог вернулся в состояние чистого духа. И так до бесконечности. Одни отжившие клетки выпадают в материальные отложения, другие возносятся ввысь, в энергетическое сияние вечности. Это вы называете адом и раем.

После таких откровений у литератора и художника наступали дни, месяцы «творческого запоя». Они спасали себя. Художник писал странные картины. На этот раз он писал человека странного вида создающего из светоносных нитей, похожих на паутину, совершенно немислимые для обычных людей, образы. В этих образах соседствовали мрачный гранит, омываемый чёрной нефтью, и лучистое сияние ещё никому не известного источника света. А литератор замахнулся на описание самого святого, что знало человечество – на описание Святой Руси.

Глава вторая

Вячеслав Константинович ощутил от откровений того, кто знает больше, щемящую тоску неуловимого открытия. Ему моментально перестала нравиться вся текущая и радующая глаз жизнь. Всё и сразу стало недостаточно красивым и чувственным для него. Пар уже не так грел, женщины казались не слишком свежими, и их хотелось, как продукты, делить по сортам. А чужие книги его стали просто раздражать, так как литератор перестал видеть в них истину. Его начал одолевать писательский зуд. Терпеть он больше не мог и сбежал от всех.

На белом листе бумаге было написано «Жизнь». Вокруг листа по всей площади стола валялись окурки, бутылки из-под дешёвого красного вина, и только в самой середине стояла бутылка армянского коньяка и чашка йеменского кофе. Видимо эти атрибуты человеческого величия в достижении продуктовой цели, должны были вдохновлять литератора на подобный подвиг в литературе.

«Жизнь» давалась литератору трудно. Далее, крупными буквами и пьяной рукой он написал «Жизнь даётся. А раз она даётся, значит, у неё есть первоисточник».

После этой глубокой мысли литератор начал чесать голову, ковырять в носу, возбуждая нервные рецепторы. Обычно это ему помогало. Помогло и на этот раз. Рука стала тол-

кать ручку по листу бумаги с ускорением. С некоторых пор, это великое слово «ускорение» стало венчать на Руси любой трудовой подвиг. Литератор тоже поддался этой аванюре и писал так же, как спринтер бежит стометровку с барьерами: ничего не видя, ничего не слыша, и только выкидывая литературные коленца, преодолевая барьеры.

И он писал: «Эх мать наша Святая Русь. К ней надо стремиться от первоисточника. Тело мешает. А первый посредник на пути от тела к первоисточнику – это наша душа. Надо слушать требования души и тогда всё встанет на свои места. У жизни есть уровни. Они для всех разные. Почему? Кто-то ведь знает. А для нас придумали сказку об условиях, среде и процессах размножения».

Написав эти крылатые слова, литератор вспомнил художника и его натурщиц. Он окинул стол тоскливым взглядом, и его неудержимо потянуло обратно в деревню, в баню, к прекрасному полу. Для этих случаев на столе и стоял коньяк. Налит он был в старинный сосуд из богемского стекла в виде «графини». У «графини» была чудесная головка с заправленными вверх волосами, венчавшими высокую и стройную фигурку. Её руки были сложены на груди. Она была изготовлена чешским мастером лет 200 тому назад и принадлежала к семейным реликвиям. Она всегда была наполнена коньяком. Литератор видел в этом некоторую символичность и сравнивал коньяк со своей кровью. Матушка литератора называла эту реликвию просто «Графиня» и относилась к

ней весьма небрежно. Во времена детства литератора «Графиня» чаще была заполнена самогоном, чем прочими благородными напитками. Короче говоря, жизнь за несколько столетий потаскала её по «подворотням» и «дворцам». Легенд с ней не было связано никаких, а может быть литератор о них не знал. Матушка его спокойно обращалась с такими фамилиями, как Сомерсет Моэм, Дитрих, Соммер, добавляя при этом «родственнички». Так или иначе, но «Графиня» стала со своим содержимым музой литератора. Он искал подобную красоту в других женщинах, но не находил. Им всё время чего-то не хватало до её форм: утончённости, прозрачности, стройности, а главное содержания. Возможно, поэтому и жизнь литератора была отличная от жизни общества.

Он продолжил писать: «Если жизнь складывается ни как у всех, то это ещё не значит, что она неправильная. Стоит присмотреться к жизни общества, и становится видимой жизнь стада из которого крайне редко выбиваются те, кто слушает свою душу. Стоит только присмотреться и увидишь, что человек до семнадцати „святых лет“ проживает эти семнадцать лет как попало, то есть, как родители на душу положат. Затем он так и живёт с контуженной душой и в холостую ещё лет шестьдесят. В этот период он совершает „общественный подвиг“, который любят описывать бестолковые поэты. Он рождает, сажает, строит и тырит. А если поднять завесу этой тайны, то до семнадцати лет человек ещё мал и глуп, а значит, у него есть надежда на будущее. После пятидесяти на-

дежда неумолимо угасает. Но счастливы ли те, кто живёт с семнадцати и до пятидесяти?».

– Счастлив ли я? – задал литератор себе вопрос. Дымящий окурок вонзился в горлышко бутылки из-под красного вина, и зашипел в мутные жиже бормотухи.

– Какое может быть счастье среди этих банальных бутылок из некачественного стекла. Разве сквозь эти мутные стенки увидишь небо. Эх, где мои семнадцать лет, – тосковал литератор.

Он писал: «Душа бессмертна. Она должна вести человека по жизни, а её ведёт Дух. Если следовать за духом, то и оплодотворять человек будет только то, что надобно его душе. Одно понимание этого – уже высшая награда за все жизненные невзгоды. Но приходится жить как все, в обществе, с почтением к дуракам, ибо они обычно обществом правят. Жить как все. Собаки, кошки, мышки, блохи плодятся быстро и только для того, чтобы создавать друг другу трудности. Большинство людей плодится в тех же целях, так стоит ли завидовать им, если живёшь хоть как-то, но иначе. А ведь человек в состоянии влиять буквально на всё в этом мире. Он так задуман и для этого рождён. Он на всё и влияет. Именно человеку постоянно открываются новые тайны. Открываются тем, кто ищет. Ищет кого? Разумеется бога. Кто сам не ищет, тому предлагается альтернатива. Сегодня это интернет. Если у тебя возник вопрос, то не задавай его себе, не ищи истину в себе. Есть кому думать за тебя. Но и интернет

– это только один из коридоров, по которым человечество гонит само себя в очередной тупик».

Литератор с любовью посмотрел на «Графиню», и взяв её за горло, то есть за изящную шейку, «набулькал» в рюмочку её «крови». Выпил. И тут его осенила очередная мысль, которая явно была не его, а того, кто знает больше «Добро и зло от бога, но вы, люди, слишком материальны, чтобы понимать это до конца. Ваша среда – материя. Вы, именно вы, тот самый Лукавый, который не даёт расти Духу ни вверх, ни вниз».

Литератор задумался, долго смотрел в окно, на мусорную свалку в одном из провинциальных городков России с названием NNN, где свалки под окнами были обычным делом. Городок имел название NNN, так как уже были описаны городки с литерами N – Салтыковым – Щедриным и литерами NN – Герценом. Так выходило, что наш литератор опять оказался в одном из подобных сказочных городков, и упёрся в его властителей и горожан своим необычным, не материальным мозгом, который источал ещё более необычный ум. Городишка был паршивевшим.

Останавливая течение чужой мысли, он написал «У нас есть узаконенные и даже конституционные права на такую жизнь. Как хотим, так и живём. Не хочу быть Лукавым, с приобретёнными до меня правами на грех, хочу быть святым по определению».

Литератор почувствовал, как кто-то, он даже знал кто,

расплылся в улыбке, и до него докатилось раскатистое эхо слов, которые он записал: «Слушай только себя, и из этих коридоров всегда будешь выходить сильнее, а только это от вас и требуется. Ну, будь здоров».

Подпись была неразборчивой...

Глава третья

Редкие ценители и искатели нового в искусстве шли смотреть на очередную картину художника Михаила Цветова. Картина была большая. Она висела на стене единственного в городе демонстрационного зала. Он был обшарпанный и ободраный.

Местная власть считала, что чем хуже будут условия у людей, проживающих в этом паршивеньком городишке NNN, тем ярче будут смотреться на её фоне спускаемые сверху и обязательные к показу вкрапления культуры. Жители городка, лишённые кинотеатра, трепетно ждали такого очередного вкрапления на экранах своих мониторов и телевизоров, хотя бы в виде нетленного фильма «Мадлен». Ждали ещё и потому, что в этом городке было полно родственников «Мадлен».

Этот городок просто кишел родственниками великих когда-то людей. У наблюдательного литератора часто создавалось впечатление, что господь их свёл сюда только для того, чтобы в этом захолустье они наконец поняли всю брэнность материальной жизни.

Картина очень удачно закрывала большую часть ободранной и заплесневелой стены. В углу картины иголкой сквозь холст была приколотая надпись: «Художник М. Цветов „Путь жизни“». Картина была явно претенциозна, ибо намекала на

то, что в ней каждый может узреть и свой путь.

Очередь перед картиной из редких ценителей закончилась за пару дней и картина сиротливо «зависла» без каких-либо зрителей. Ситуацию надо было спасать. Для спасения была объявлена встреча с художником. Ситуация была пущена на самотёк и отдана на откуп самому художнику. У местной власти на такие глупости, как представительские расходы, денег не было. Поэтому, все культурные мероприятия проходили за счёт самих же культурных деятелей. Художник не видел в этом ничего плохого, ибо такой подход ещё больше подчёркивал святость всякого творца на Святой Руси.

Приятели замерли в ожидании. Картина их интересовала мало, но сам процесс просмотра и обсуждения под водочку и под то, что «бог послал», был многообещающим.

И вот этот счастливый день настал. Приятели, ещё не видя картины, жали руки художнику и говорили, что он молодец. Среди приятелей был свободный журналист. Звали его Толя, иногда Толик, иногда Толян, реже Анатолий Владимирович. Он имел роскошную шевелюру и жиденькую бородку. Лет ему было под шестьдесят, поэтому приходилось выглядеть бодро. Он шёл на встречу не просто выпить, а по зову журналисткой работы.

В картине он увидел следы своей нелёгкой жизни. Особенно в том месте, где на рельсах перед мчащимся поездом лежали он и она, а сверху на них из горящего самолёта сыпа-

лись вперемежку чемоданы, люди, обломки крыльев и фюзеляжа.

Ничего нового в отдельности журналист не увидел, но вся картина в целом его сильно впечатлила. Толик разразился длинной статьёй для областной центральной газеты. Главный редактор с интересом статью прочитал и заявил, что Герцены стране уже не нужны, ибо страна давно проснулась. Толик согласился, так как и сам видел, что в областном центре давно никто не спит даже ночью и все что-то куют. Было не очень понятно что. Может быть ключи от счастья, может быть серп, а может быть молот, а может быть и всё вместе взятое. По крайней мере, средняя зарплата у тех, кто не ковал, была большая. Для прочих, что-то продолжавших ковать, лозунг «хочешь жни, а хочешь куй, всё равно получишь х...» навсегда ушёл в прошлое. Для многих уже и «х...» стал несбыточной мечтой.

Но Толик был не так прост. Природе нужно равновесие. Если не спит областной центр, то это ещё не значит, что проснулась провинция. Газет на Святой Руси было полно, а он был один и ещё на свободе. Его уверенность оправдалась. Редакция провинциальной газеты города NNN радостно откликнулась на его предложение. Ей надо было чем-нибудь заполнить страницы никем не читаемой газеты, и поэтому статья пришлась как раз кстати. Толя под псевдонимом «Мудров» писал: «Картина выдающегося художника Михаила Цветова „Путь жизни“ показывает нам, как много красок

придумало человечество для раскрашивания своего земного пути. У меня едва ли хватит слов, чтобы охватить все эти краски, а особенно произрастающие из них образы. Каждый из нас идёт своим индивидуальным путём. Я, вот, журналист, Михаил – живописец. А есть ещё революционеры, религиозные фанатики, пацифисты, экологи, члены географического общества и даже террористы. И все они идут своим путём. Они собираются в группы и банды, занимая место в строю и вновь распадаются на отдельные тёмные личности».

Картина Михаила Цветова «Путь жизни» хорошо показывает, как люди делятся на своих и чужих, на тех, кто давит и тех, кого давят. Мы видим, как на рельсах лежат мужчина и женщина. С виду они христиане, но машинист летящего на них поезда, может и не быть христианином, он может быть мусульманином. А значит, он не сильно обеспокоен тем, что может прервать их путь жизни.

А люди, падающие из горящего самолёта вместе со своими чемоданами, указывают нам на то, что не стоит беспокоиться обо всём человечестве, пытаясь найти для него истинный путь. Каждый получает то, что хочет. Кто-то, как показано в нижнем левом углу картины, копается в чреве земли в каске и фонариком на лбу, кто-то лезет в гору, как показано в верхнем правом углу картины. Мы чётко видим, что все куда-то лезут. Кто вниз, кто вверх, и каждый вскарабкавшись получает то, что хотел и ровно по своим заслугам. Здесь альтернативы нет, как нет и компромиссов. Но есть выбор. Ли-

бо живёшь ради материальных благ, пряча свою алчность за заботой о семье, всеобщем счастье, брошенных детях, либо живёшь правильно. А как правильно жить? Вот главный вопрос, который ставит перед нами картина выдающегося художника Михаила Цветова.

Правильная жизнь хорошо прорисована в верхнем левом углу картины. В нём нет ничего, кроме неоновое свечения изысканных красок изготовленных самим художником. По секрету он сказал мне, что это смесь из собственной крови, сперматозоидов и недельной щетины. И всё это сделано для вечности и для защиты авторских прав. Трудно подделать картину, написанную столь изысканными красками. Я нахожу в этом истину. Ибо идти правильно – это значит идти путём собственных знаний, не отделяя себя от остального мира, но и не давая ему возможности тырить у тебя мечту о вечность, надежду на вечность и саму вечность.

Михаил Цветов подвижник. Подвижника кормят идеи и знания. Он не отделяет себя от Вселенной, стремясь её обогатить. Он, наоборот, стремится ей отдать всего себя. Конечно знания как и картину их несущую, можно продать. Ведь и художнику надо как-то выживать в нашем мире. Да, знания можно продать, но покупатель не всегда может оказаться «нашим человеком», поэтому обмен предпочтительней. Обмен на то, что помогает получать новые знания. Деньги входят в подобный обмен. Жаль, что у меня их нет, а то я бы непременно купил эту выдающуюся картину. Деньги перво-

начально возникли как средство универсального обмена, это потом жулики навесили на них различные паразитные функции, которые и лишили нас их.

С кем идти к знаниям, кто они «наши люди»? Это не простой вопрос. Он всегда тесно связан с вопросами крови, а часто ещё глубже, с людьми, владеющими одной и той же тайной. Кровные узы имеют место быть. Это хорошо показано, в нижнем правом углу картины, написанном тем же составом красок. Здесь мы видим игру молодого, среднего и старого лица. Но это не три головы «Змея Горыныча», это скорее три образа скрытых в одном человеческом лице.

Узы крови нас привязывают к наследству, а значит к материальному миру. Кровные узы – это бесконечное терпение самых различных выходов своих родственников, и почитание лучших из них, особенно тех, о ком хранится память в картинах и фотоальбомах, книгах и кинофильмах. Но всё это брэнно в мире, где есть поезда и самолёты. Об этом явственно свидетельствуют центральные сцены картины.

Человек многосложен. Кровь близких, в сравнении с близкими по духу, сущий пустяк. На Святой Руси ещё не забыли, как за деньги немецкой родни из немецкой царствующей династии выпустили кишки. В течение всего этого затянувшегося процесса никто из родственников сильно не всполошился. Как говорится «умерли и умерли».

Другое дело духовная близость. Я повторю, человек многосложен. Даже если не верить в наличие у человека несколь-

ких тел помимо основного, то отвертеться от того, что человек проявляет своё ментальное, астральное, квантовое тело в книгах, картинах, музыке невозможно. Более того, у каждой творческой грани человеческого труда есть свои поклонники. А это лучше всего свидетельствует о том, что наша жизнь, наш путь решается где-то выше нашего понимания. Значит, вопросы крови, которые ставятся в рамках родственных отношений у нотариуса до седьмого колена, могут и не совпадать с задачами, которые мы должны решать с близкими нам по духу людьми. Вспомним, что Страдивари не был родственником Амати, но известны ли нам более близкие родственные отношения несущие такие великие плоды?

Присутствуют на картине и образ детей. Мы видим, как трудно они рождаются. Это говорит не о тяжести труда повитух и мучениях рожениц, а только о том, что дети должны родиться для решения духовных задач, когда они уже поставлены, а не для воспроизводства. Кто из родителей задумывается над этим, увлѣкшись самим процессом. Чем заняты эти двое лежащие на рельсах? А главное, зачем они легли на рельсы? Не отсюда ли происходит «грех зачатия» и разрушение семьи. Не является ли поезд художественной формулой неотвратимого наказания за безрассудство в таком важном деле, как брак, как зачатие.

Но именно на рельсах решается наша судьба. На рельсах мы пытаемся понять для чего нам дано материальное тело и почему оно столь бренно. Бренно до такой степени, что при

падении и наезде бывает легко разрушено и даже погублено. Но нам уже известно из фильмов о войне, а также из книг о героях, сколь сильным может быть дух и в хилом теле.

Не здесь решается наша судьба, не здесь... Здесь мы только пытаемся понять, для чего существует материя. Почему мы, имея разум, столь привязаны к ней. Видимо, для Бога это важно. Видимо, материя – это очень сильная составляющая всей Вселенной. Видимо, Бог пытается добиться того, чтобы те, кто призван ей управлять, стали безупречны в своих желаниях. Видимо в этом и состоит право нашего выбора. Либо признаёшь себя частью бога и творишь нужную, красивую, безопасную материю, либо вместе с прочими порождёнными собственной глупостью проваливаешься в «тартарары» на переплавку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.